

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ (1828
Г.)

Петр Андреевич Вяземский

Стихотворения (1828 г.)

Аннотация

Все рассказы мои вы назовете бредом
Согласен, спора нет; и я за вами следом
Их сонным бредом назову:
Но тот, кто раз быть вместе с вами,
Признается легко, что бредит я стихами.
О том, что каждый в вас увидит наяву.

Содержание

К ***	4
Графине ***	5
Дар все делать невпопад	8
Эпиграмма	10
Польской	11
Многолетие, петое во время ужина при питье за здравие Государя Императора	14
Нетленный цветок	15
Слезы прощания	17
Да как бы не так	19
Сновидение	22
Бирюза	23
Прощание	25
Крымские фотографии 1867 г.	26
Петр Алексеевич	56
Notturmo	64
Лес	68
Тому сто лет	70

Петр Вяземский

Стихотворения (1828 г.)

К ***

Все рассказы мои вы назовете бредом
Согласен, спора нет; и я за вами следом

Их сонным бредом назову:

Но тот, кто раз быть вместе с вами,
Признается легко, что бредит я стихами.
О том, что каждый в вас увидит наяву.

Графине ***

Что поднесет новорожденной милой
Поэт, здоровьем и дарованьем хилой?
Он поднесет ли вам нескладные склады,
Стихи, горячки алой горячие следы,
Стихи снотворные, бессонницы пороки?
 Но не бессовестно ль ему,
От скуки и на вас нагнать смертельной скуки
 Неотразимую чуму?
Нет, над собой я одержу победу,
Нет, в день рожденья ваш, я вас не уморю,
 И к лихорадочному бреду
В добавок бредом рифм с оглядкой подарю.
Болезни голову – что жь делать? – покорю,
Но сердце чистое недугу не подвластно,
Волненью чуждое, оно на едине,
Как в магнетическом и дальновидном сне
И верно чувствует, и с истиной согласно.
Пусть за меня оно приветствовать спешит
Улыбку первую новорожденной милой,
И, вдохновенное пророческою силой,
В избытке чувств ей говорит:
«Ты будешь – *(ты* – не в оскорбленье;
Вы – предразсудка дань условной суете;
Но сердце вольное, в природной простоте,

Избрало *ты* в местоименье

И Божеству и красоте!)

Ты будешь жить для радостей и счастья,
Как цвет, ласкаемый лобзаньем тишины,
Доверчиво цветет на родине весны,
Под небом радостным, не знающим ненастья!

Так немерцающий рассвет

Светлеет и тебе на небе жизни ясной,
И тихая весна души твоей прекрасной

Тебе взлелеет счастья цвет!» –

Умень нравится без помощи искусства,
Ум, образованный под вдохновеньем чувства,
Ученость, но не та, что с хартией вьруке
И в шапке докторской влачит педанства узы,

А светлая подруга светлой Музы

В похищенном у Грации венке;

Дарь песней, про себя, без жажды к книжной славе;
В словах затейливость блестящей остроты,

И прелесть милой простоты

В открытом я веселом праве: –

Все это вам судьбой дано!..

И только ли? Нет, после верных справок,

Еще припомнил я достоинство одно:

Глаза прелестные в добавок!

А женщине, чета прелестных глаз,

Как ум не умничай, не лишнее для счастья,

В тех – тайна женского над нами самовластья,

А кто не рад господствовать из вас?

Любуясь прелестью дитяти,

Как я ни обещал свой укротить язык,
Но заболтался я не кстати,
Хлыстова бодрый ученик.

Дар все делать невпопад (Из Рюльера.)

Кому из вас, друзья мои,
Еще от детства не известно,
Как в оные волшебны дни
Киприде пояс дан чудесной;
Но неравно известно всем,
Как своенравною судьбою
Супруг её был между тем
Наградой уделен иною:
Тяжелой и большой сумою,
Несчастливым выродком из сум,
Куда на зло, иль наобум,
Цари Олимпа накидали
Познание, веселость, ум,
И на смех все перемешали
Одно с другим и кверху дном!
К ним в след забросили потом
Услужливость и торопливость,
Которые в глаза глядят,
Толкуют вашу молчаливость,
Пыхтят, вертятся и спешат,
Чтоб ничего не кончить в пору,
Опаздывая в торопях.
Несправедливую укору

С обидой горькой на устах,
Смех глупости, смех принужденья,
Холодных наставлений свет,
Полудогадки, подозренья,
Обиняков лукавых смех,
И оправдания дурные
Во следь намереньям благим,
И предисловия большие
К деяньм мелким и пустым.
Но из даров сумы просторной,
Важнейший дар, из всех отборной,
По всем приметам и правам,
Всегда, везде несносней нам,
Который отравляет радость,
Разочаровывает младость,
И прелесть безобразить рад –
Есть дар: все делать не в попад.
Однажды в небесах гуляя,
Вулкан, неловко припадая,
Споткнулся и упал мешок
рассыпался с несчастным кладом,
И многих с головы до ног
Дарами заметал как градом!
Мне поменно их назвать
Теперь в стихах не осторожно,
Но нам самим легко их можно
В гостиных барских распознат.

Эпиграмма

Он в разных видах мной замечен,
Противуречий много в нем:
Он скрытен сердцем, но умом
Уж как за то чистосердечен.

Польской

Упал на дерзкие главы
Гром мести сильной и правдивой:
Знамена, мстители Москвы,
Шумят над Сейной горделивой.
восстань, о древний град Царей!
И отряси с чела туманы;
Да славою твоих детей
Твои целятся ныне раны!

Хор.

Мы празднуем твою здесь месть!
Москва! хвала Тебе и честь!
Твои развалины священны!
они гробницей бед вселенны.

Небес к нам грозных приговор
Просил от света жертвы славной,
Без ропота и без укора
Склонилась ты главой державной,
Три дни объятая огнем,
Ты гнев их ярый утомила;
Разящий отвратила гром
И Небо с нами примирила.

Хор.

Москва! твоих развалин вид
Красноречивей пирамид!
они и отдаленных внучат
Геройским подвигам научат

Сражен полуденной кумир
От твердой Севера десницы;
Уже сердцам светлеет мир,
Как после бури луч денницы,
И с умилением в Москве
Народы, жертвы долгой брани,
В благоговейном торжестве
Возносят благодарны длани.

Хор.

Народы! бич ваш гордый паль!
День отдыха для вас настал!
Омытые своею кровью,
Связуйтесь миром и любовью!
Красуйся славою в веках
Москва! спасительница мира;
Да будет в век в твоих стенах
Обитель счастья и мира!
Да процветут твои сыны
И девы, прелестьми венчанны;

Да придет с ужасов войны
К тебе скорей твой Царь желанный!

Хор.

Спеши, о радостный вам час!
Да узрим мы Царя среди вас!
Да отдохнет на наших дланях
Герой, увенчанный во бранях!

Многолетие, петое во время ужина при питье за здравие Государя Императора

Многие лета, многие лета
Спасшему Царства праведной битвой!
Славе России, радости Света!
Боже! тронися нашей молитвой:
Спасшему Царства праведной битвой,
Славе России, радости света,
Многие лета! многие лета!

«Сын Отечества», ч. 14, 1814

Нетленный цветок

Объятый молнией случайной,
Погиб красавицы убор,
Под коим прелестию тайной
Она обворожала взор.

Уже, счастливец дерзновенный,
Ты лобызать не будешь вновь
Душистых кудрей шелк бесценный,
Что нежно выпряла любовь.

Как блеск зарницы летней ночи,
Из-под погибшего венца
Уже гореть не будут очи
И зарево кидать в сердца.

Ты век свой отжил: так утратим
Мы все, что веселило нас,
И сожалением заплатим
Веселья легкокрылый час.

Но недотронутый бедою
Цветок в уборе уцелел?
Неизменяемой красотой
Он светит, как всегда светлел.

Когда нетленною святыней
Щадил тебя и самый рок;
В огне испытанный, будь ныне
Сердечной памяти цветок.

Так, пусть судьбы враждебной пламень
Похитить радости готов
И опалит последний камень,
Воздушных замков наших снов;

Но, верны думой благодарной
Том, чего у нас уж нет,
Мы отомстим судьбе коварной,
Храня воспоминанья цвет.

Слезы прощания

Благодарю тебя за слезы:
Роса их утренней свежей
Взлелеет в памяти моей
Неувядаемые розы.
Я помнить буду этот час,
Ознаменованный разлукой:
Так, будь за жизнь, и смерть за нас
Он в дружбе верною порукой!

Когда в вражде с самим собой
Другими буду недоволен
И ядовитую тоской
Сердечного припадка болен:
Прощанья вспомню я слезу,
И добрый вестник примиренья,
Она, как радуга спасенья,
Смирит сердечную грозу.

Иль как слеза воздушной Пери
Из заточенья мрачных дум,
К надежде растворяя двери,
Она искупить грустный ум.
Скажу себе: тот жил не даром,
К кому слезою взор светлел,

Кто сердце ближней тихим жаром
Священной дружбы разогрел

Да как бы не так

Пока наш ум молокосос,
И жизнь поит нас полной чашей, –
Судьба на каждый наш вопрос
Нам говорит: все в воле вашей!
Когда ж сосуд уж поиссяк,
А сердце пить еще все хочет:
Что ни спроси, судьба бормочет:
«Да как бы не так!»

Вот редкая душа Оргон!
Всех ближних братьями он числит,
И о нуждающемся он
Без слез и сонный не помыслит.
А попроси в займы плтак,
Или услуги на два гроша,
Что ж, рад себя отдать святоша?
«Да как бы не так!»

Женился старый наш Майор,
Майорша в три раза моложе:
Он на замок и дом, и двор –
И сам бессменно на стороже.
Уж вот благочестивый брак!
– «Есть дети?» – «Трое!» – Что ж, умора

Все так и вылиты в Майора!

«Да как бы не так?»

У дружбы есть двойчатка: лесть,
они с лица отчасти схожи,
С одной знакомство трудно свесть,
С другою знаются вельможи.
Как раз жди с нею сесть в просак:
Что ж как разнюхают сударку,
Ее по шее да в припарку....

«Да как бы не так?»

Секрет подписок и программ
Есть высший взгляд Литературы;
Все деньги приברי к рукам, –
А публика? – жди корректуры.
Когда народ наш был простяк,
Честь авторства цеилась строже:
Честь денег каждому дороже? –
«Да как бы не так!»

Как мир наш при свечах хорош!
Как при свечах все люди гладки!
Нигде пятна не разберешь,
Нет ни морщинки, ни заплатки.
Везде улыбка, блеск и лак;
Погас фонарь: и дня светило...
– «Бдаженства новые раскрыло?»
«Да как бы не так?» –

Сновидение

Как мог присниться я тебе?
Какой игрой воображенья
Ниспослано мне в дар обманом сновиденья,
Что наяву моей отказано мольбе?

Я мыслью был твоей, и ею освятился;
С тобой наедине в таинственной тиши
Мой образ, для тебя незримый отразился
На зеркале твоей души.

И я не чувствовал, и мысль моя слепая,
Земная узница, не разгадала мне,
Что Ангел обо мне мечтает в снях рая,
Что улыбнулся он быть может мне во сне.

Бирюза

Много камней драгоценных
Ярко радуют глаза,
Но для глаз его прельщенных
Всех светлее бирюза.

Бирюзе дан цвет чудесный,
В ней прелестных таинств цвет,
В ней земле залог небесный
Необманчивых примет.

рассветает небо Мая
Бирюзовой красотой,
Незабудка голубая
Дышит свежей бирюзой.

И ему она являет
Неземные красоты, –
И в душе его питает
Незабвенные мечты.

Все пред ним мертво, уныло,
Где не видит бирюзы;
Будто жизнь приосенило
Мрачным облаком грозы.

Околдованный невольно
Дань улыбки, дань слезы,
Он приносит богомольно
Тайной власти бирюзы.

Бирюза приманка взгляду,
В ней нашел он талисман,
И растраву и усладу
Для сердечных тайных ран.

Охлажденный и суровый,
Он забыл ужь про любовь,
Ныне цепью бирюзовой
Он к любви прикован вновь.

Прощание

(А. О. Смирновой.)

На Музу и меня напали вы врасплох.
Ни сердце, ни мой ум, покуда гриппой сжатый,
Не приготовлены, в прощальный час утраты,
Поднести вам грустный стих и задушевный вздох.
Не знаю, что сказать, иль зная, не умею
Мысль наскоро одеть, убрать и расцветить,
Дать образ таинству, которым тихо зрею
И чувство в мерный стих живьем заколотить.
В экспромтах никогда я не был парень ловкой:
Влюблялся иногда экспромтом, – спора нет –
(И, кажется, вы в том дать можете ответ);
Но пел всегда моих красавиц с подготовкой.
Мне грустно, больно мне, мне душно на груди,
И сердце налилось слезами, будто чаша,
При мысли, что для нас уж завтра Вы не наша,
Что долгая нас ждет разлука впереди.
Вот, если эту скорбь глубокую, живую
Хотите вы назвать Поэзией: будь так!
Примите вы ее, как сердца дань немую
И преданных вам чувств простой и верный знак.

17 Января 1833.

Крымские фотографии 1867 г.

I.

АЮ-ДАГ.

(дорогой).

Там, где извилины дороги
Снуют свою вокруг моря сеть,
Вот страшно выполз из берлоги
Громадной тучности медведь.

Глядит налево и направо,
И вдаль он смотрит с-высока,
И подпирает величаво
Хребтом косматым облака.

В своем спокойствии медвежьем
Улегся плотно исполин,
Любуясь и родным побережьем

И роскошью его картин.

Порой – угрюмый он и мрачный,
Порой его прелестен вид,
Когда, с закатом дня, прозрачной
Вечерней дымкой он обвит.

Порой на солнце в неге дремлет
И греет жирные бока;
Он и не чувствует и не внемлет,
Как носятся над ним века.

Вотще кругом ревет и рдеет
Гроза иль смертоносный бой,
Все неподвижно, не стареет
Он допотопной красотой.

Наш зверь оброс зеленой шерстью!..
Когда же зной его печет,
Спустившись к свежему отверстию,
Он голубое море пьет.

Сын солнца южного! на взморье
Тебе живется здесь легко,
Не то, что в нашем зимогорье,
Там, в снежной ночи, далеко,

Где мишка, брат твой, терпит холод,
Весь день во весь зевает рот.

И, чтоб развлечь тоску и голод,
Он лапу медленно сосет.

И я, сын северных метелей,
Сын непогод и буйных выюг,
Пришлец, не ведавший доселе,
Как чуден твой роскошный юг,

Любуясь, где мы ни проедем,
Тем, что дарит нам каждый шаг,
Я сам бы рад зажить медведем,
Как ты, счастливец Аю-Даг!

II.

БАХЧИСАРАЙ.

(ночью при иллюминации).

Из тысячи и одной ночи
На часть одна пришлась и мне,
И на яву прозрели очи,
Что только видится во сне.

Здесь ярко блещет баснословный
И поэтический восток:
Свой рай прекрасный, хоть греховный,
Себе устроил здесь пророк.

Сады, сквозь сусрак, разноцветно
Пестреют в лентах огнских,
И прихотливо и приветно
Облита блеском зелень их.

Красуясь стройностию чудной,
И тополь здесь и кипарис,
И крупной кистью изумрудной
Роскошно виноград повис.

Обвитый огненной чалмою,
Встает стрельчатый минарет.
И слышится ночью тьмою
С него молитвенный привет,

И негой, полной упоенья,
Нотного воздуха струи
Нам навевают обольщенья,
Мечты и марева свои.

Вот одалиски легким роем
Воздушно по саду скользят:
Глаза их пынут страстным зноем м

И в душу вкрадчиво глядят.

Чуть слышится их тайный шопот
В кустах благоуханных роз:
Фонтаны льют свой свежий ропот
И зыбкий жемчуг звонких слез.

Здесь, как из недр волшебной сказки,
Мгновенно выдаются вновь
Давно отжившей жизни краски,
Власть, роскошь, слава и любовь,

Волшебства мир разнообразный,
Снов фантастических игра,
И утонченные соблазны,
И пышность ханского двора.

Здесь многих таинств, многих былей,
Во мраке летопись слышна.
Здесь диким прихотям и силе
Служили молча племена;

Здесь, в царстве неги, бушевало
Не мало смут, домашних гроз;
Здесь счастье блага расточало,
Но много пролито и слез.

Вот стены темного гарема!
От страстных дум не отрешась,

Еще здесь носится Зарема,
Загробной ревностью томясь.

Она еще простить не может
Младой сопернице своей,
И тень её еще тревожит
Живая скорбь минувших дней.

Невольной, роковой страстью
Несется тень её к местам,
Где жадно предавалась счастью
И сердца ненадежным снам.

Где так любила, так страдала,
Где на любовь её в ответ,
Любви измена и опала,
Ее скосили в цвете лет...

Все дни счастливых вдохновений,
Тревожно посетил дворец
Страстей сердечных и волнений
Сам и страдалец и певец.

Он слушал с трепетным вниманьем,
Рыданьем прерванный не раз
И дышущий еще страданьем,
Печальной повести рассказ.

Он понял раздраженной тени

Любовь, познавшую обман,
её и жалобы и пени
И боль неисцелимых ран.

Пред ним Зарема и Мария –
Сковала их судьбы рука –
Грозы две жертвы роковые,
Два опаленные цветка.

Он плакал над Марией бедной:
И образ узницы молодой
Тоской измученный и бледный,
Но светлый чистой красотой,

И непорочность и стыдливость
На девственном её челе,
И безутешная тоскливость
По милой и родной земле,

её молитва пред иконой,
Чтобы от гибели и зла
Небес Царица обороной
И ограждением ей была. –

Все понял он! Ему не ново
И вчуже сознавать печаль,
И пояснять нам слово в слово
Сердечной повести скрижаль.

Марии девственные слезы,
Как чистый жемчуг, он собрал,
И свежий кипарис и розы
В венок посмертный ей связал.

Но вместе и Заремы гневной
Любил он ревность, страстный пыл,
И отголосок задушевной
В себе их воплям находил.

И в нем борьба страстей кипела,
Душа и в нем от юных лет,
Страдала, плакала и пела,
И под грозой созрел поэт.

Он передал нам вещим словом
Все впечатления свой,
Все, что прозрел он за покровом,
Который скрыл былые дни.

Тень и его здесь грустно бродит,
И он, наш Данте молодой,
И нас по царству теней водит,
Даруя образ им живой.

Под плеск фонтана, сладкозвучный
Здесь плачется его напев,
И он, сопутник неразлучный,
Младых Бахчисарайских дев.

III.

ЧУФУТ-КАЛЕ.

Грустна еврейская Помпея;
В обломках город тих и пуст,
Здесь ветхий голос Моисея
Переходил из чистых уст
В уста преданьем непрерывным,
И, верный праотцам своим
Хранил завет их с рвеньем дивным
Благочестивый караим.

Сюда, изгнанник добровольной,
Он свой Израил перенес:
В обрядах жизни богомольной
С годов младенческих он рос,
И совершив свой путь смиренный,
Достигнув мирно поздних дней,
Он возвращал свой пепел бренный
Земле – кормилице своей.

Крутизн и голых скал вершины,
Природы дикой красота

Напоминали Палестины
Ему священные места.
Здесь он оплаканного края
Подобье милое искал
И чуялось ему: с Синая
Еще Господь благовещал.

Теперь здесь жизнь уже остыла,
Людей житейский гул утих,
И словно буря сокрушила
Й разметала дома их.
Не тронуты одни гробницы
Почивших в вечности колен,
Сии нетленные страницы
Из повести былых времен.

Народ, разрозненный грозой,
Скитальцы по лицу земли!
Здесь, наконец, вы под землю
Оседлость верную нашли.
В Иосафатовой долине
Вас ждал желаемый покой:
И уж не выживут. вас ныне
Из лона матери родной.

IV.

ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗ КОРЕИЗА.

Усеяно небо звездами,
И чудно те звезды горят,
И в море златыми очами
Красавицы с неба глядят.

И зеркало пропасти зыбкой
Купает их в лоне своем
И вспыхнув их яркой улыбкой,
Струится и брызжет огнем.

Вдоль моря громады утесов
Сплотились в единый утес:
Над ними колосс из колоссов
Ай-Петры их всех перерос.

Деревья, как сборище теней,
Воздушно толпясь по скалам,
Под сумраком с горных ступеней
Кивают задумчиво нам,

Тревожное есть обаянье

В сей теплой и призрачной мгле;
И самое ночи молчанье
Несется как песнь по земле.

То негой, то чувством испуга
В нас сердце трепещет сильней:
О ночь благодатного юга!
Как много волшебного в ней!..

V.

Вдоль горы, поросшей лесом,
Есть уютный уголок:
Он под ветряным навесом
Тих и свеж, и одинок,

Приютившихся в ущелью,
Милovidный Кореиз,
Здесь над морем, колыбелью
Под крутой скалой, повис.

И с любовью, с нежной лаской,
Ночь, как мать, в тихий час
Сладкой песнью, чудной сказкой
Убаюкивает нас.

Сквозь глубокое молчанье,
Под деревьями в тени
Слышны ропот и журчанье:
С плеском падают струи.

Этот говор, этот лепет
В вечно-любящихся струях
Возбуждает в сердце трепет
И тоску о прошлых днях.

Улыбалась здесь красиво
Ненаглядная звезда,
С нам слетевшая на диво
Из лазурного гнезда.

Гостя в блеске скоротечном
Ныне скрылася от нас,
Но, в святилище сердечном
Милый образ не угас.

VI.

МЕСЯЧНАЯ НОЧЬ.

Там, высоко, в звездном море,

Словно лебедь золотой,
На безоблачном просторе
Ходит месяц молодой,

Наш красавец ненаглядной,
Южной ночи гость и друг;
Все при нем, в тени прохладной,
Все затеплилось вокруг:

Горы, скаты их, вершины,
Тополь, лавр и кипарис
И во глубь морской пучины
Выдвигающийся мыс.

Все мгновенно просветлело –
Путь и темные углы,
Все прияло жизнь и тело,
Все воспрянуло из мглы.

С негой юга сны востока
Поэтические сны,
Вести, гости издалека,
Из волшебной стороны, –

Все для северного сына
Говорит про мир иной;
За картиною картина,
Красота за красотой:

Тишь и сладость неги южной,
В небе звездный караван,
Здесь струей среброжемчужной
Тихо плачущий фонтан.

И при месячном сияньи,
С моря, с долу, с высоты
Вьются в серебряном мерцаньи
Тени, образы, мечты.

Новых чувств и впечатлений
Мы не в силах превозмочь:
Льешься чашей упоений,
О, таврическая ночь!

Вот татарин смуглолицый
По прибрежной вышине,
Словно всадник из гробницы
Тенью мчится на коне.

Освещенный лунным блеском,
Дико смотрит на меня,
Вдруг исчез! и море плеском
Вторит топоту коня.

Здесь татарское селенье:
С плоской кровлей низкий док
И на ней, как привиденье,
Дева в облаке ночном.

Лишь выглядывают очи
Из накинутой чадры,
Как зарницы темной ночи
В знойно-летние жары.

VII.

КАЛОША.

(Е. Л. И.)

В чаду прощального поклона
У вас, в последний вечерок,
Как молодая Сандрильона,
Оставил я свой башмачек.

Нет, лучше слог кудрявый брошу,
И реализма ученик,
«Оставил я свою калошу,»
Скажу вам просто на прямой.

Одну, у вашего порогу,

Благополучно я надел:
Но вспомнить про другую ногу
Я, растердишись, не сумел.

Все так дышало обаяньем
И негою в ночной тиши,
И вы под месячным сияньем
Так чудно были хороши,

И месяц так свежо гляделся
В морскую синюю волну,
Что сам невольно засмотрелся
Я и на вас и на луну.

И кто ж тут память не утратит?
Кому до ног и до калош,
Когда тебя восторг обхватит
И поэтическая дрожь?

Конечно, тепел вечер южный,
И ночь нагрета зноем дня;
Здесь осторожности не нужны,
Но зябки ноги у меня.

Прошу вас оказать услугу,
Мне и разрозненной чете;
Пришлите верную подругу
Моей калоше – сироте.

Когда-то – но теперь все плоше,
И время уж совсем не то –
Сказал бы, что у вас с калошей
Еще забил я кое-что.

Но это *кое-что* – напрасно
Дерзнул-бы я вам в дань принести:
В венок ваш свежий и прекрасной
Цветов весенний должно вплести.

Тут нужно чувство помоложе,
Чтоб не попасть как раз в просак:
А сердце старое вам тоже,
Что ваш изношенный башмак.

VIII.

ГОРЫ НОЧЬЮ.

(дорогою).

Морского берега стена сторожевая,
Дающая отбой бунтующим волнам,

В лазурной глубине подошву омывая,
Ты гордую главу возносишь к облавам.

Рукой неведомой иссеченные горы,
С их своенравного и выпуклой резьбой!
Нельзя от них отвлечь вперившиеся взоры
И мысль запугана их дикой красотой.

Здесь в грозной прелести, могуществом и славой
Природа царствует с первоначальных дней:
Здесь стелется она твердыней величавой
И кто помериться осмелился бы с ней?

Уж внятно, кажется, природа человеку
Сказала: здесь твоим наездам места нет:
Здесь бурям да орлам, одним испокон-веку,
Раздолье и простор! а ты будь домосед.

Но смертный на земле есть гость неугомонной,
Природы-матери он непослушный сын;
Он с нею борется, и волей непреклонной
Он хочет матери быть полный властелин.

Крамольный сын, ее он вызывает к бою;
Смельчак, пробил её он каменную грудь;
Утесам он сказал: раздвиньтесь предо мною
И прихотям моим свободный дайте путь!

И с русской удалью, татарски-беззаботно,

По страшным крутизнам во всю несемся прыть,
И смелый лозунг наш в сей скачке поворотной:
То bee or not to bee, иль быть, или не быть.

Здесь пропасть, там обрыв: все трень-трава, все сказки!
Валяй, ямщик, пока не разрешен вопрос:
Иль в море выскочим из скачущей коляски,
Иль лбом на всем скаку ударимся в утес!

IX.

ЛИВАДИЯ.

(27 июля).

Отчего красою новой
Улыбается нам день,
Свежав с тверди бирюзовой
И последней тучки тень?
Отчего он так светлеет?
Отчего еще нежней
Нас лобзает, нас лелеет
Теплой ласкою своей?

Отчего так благосклонно
И так празднично глядят
Море, берег благовонной
И его роскошный сад?
Отчего так солнце блещет,
Златом даль озарена
И так радостно трепещет
Моря синяя волна?

В этот день, всех дней прекрасней,
И земля и небеса,
Отчего еще согласней
В песнь сливают голоса?
Отчего везде так мило,
Чье-то имя слышно нам
И молитва, как кадило,
Свой возносит фимиам?

В уголок сей безмятежный
Отчего наш тайный враг –
Пресыщенье – неизбежный
Спутник всех житейских благ,
Не помыслит, не посмеет
Заглянуть за наш порог,
И затихнув, здесь немеет
Шум заботливых тревог?

Древний мир очарованья

Ныне вновь помолодел,
Словно в первый день создания
Юной жизнью он расцвел,
Непочатый самовластьем
Разрушительных веков,
Юнык блеском, юным счастьем,
Свежей зеленью цветов –
Он увенчан, опоясан

Он жемчужною волной,
Свод небес над ним так ясен,
Да и сам он – рай земной.
Отчего, с природой дружно,
На кого ни погляди,
Все сердца горят так южно
В нашей северной груди?...

Оттого здесь все так живо
Блещет праздничной красой,
Что встречаем день счастливой
Годовщины дорогой.
В этот день у колыбели
Ангел жизни предстоял
И младенцу к светлой цели
Светлый путь он указал.

С возрастающей надеждой
Предсказание сбылось,
И под царстведной одеждой

Сердце чистое зажглось.
Кроткий дух благоволенья
Возлелеял и развил
Все души её движенья
И весь строй душевных сил.

Жизнь созрела и богато
Принесла дари свой,
Все, что благо, все, что свято
Ей знакомо, ей сродни.
Не страшась завоеванья,
Для других враждебных лет,
Свежестью благоуханья
В ней роскошен жизни цвет.

Ей к лицу и багряница,
Но еще она хилей,
Если прячется царица
В женской прелести своей
В светлом праздничном уборе.
Оттого здесь небеса,
Гори, голубое море
И душистые леса

Все, ревнуя друг пред другом,
Расточают блеск и тень,
Чтоб отпраздновать всем югом
Этот радостный нам день!

Х.

Слуху милые названья,
Зренью милые места!
Светлой цепью обаянья
К вам прикована мечта.

Вот Ливадия, Массандра!
Благозвучные слова!
С древних берегов Меандра
Их навеяла молва.

Гаспра тихая! Красиво
расцветающий Мисхор!
Орианда, горделиво
Поражающая взор!

Живописного узора
Светлый, свежий лоскуток –
Кореиз! Звездой с Босфора
Озаренный уголок!

Солнце, тень, благоуханье,
Гор таврических краса,
В немерцающем сиянье
Голубые небеса!

Моря блеск и тишь и трепет!
И средь тьмы и тишины
Вдоль побережья плач и лепет
Ночью плещущей волны!

Поэтической Эллады
Отголоски и залог,
Мира, отдыха, услады,
Пристань, чуждая тревог!

Здесь, не знаясь с ненастьем,
Жизнь так чудно хороша,
Здесь целебным, чистым счастьем
Упивается душа.

С нашим чувством здесь созвучней
Гор, долин, лесов привет,
Нам их таинства сподручней,
Словно таинства в них нет.

Здесь нам родственным наречьем
Говорит и моря шум;
С детским здесь простосердечьем
Умиляется наш ум.

И с природою согласно
Свежесть в мыслях и мечтах,
Здесь и на сердце так ясно,

Как в прозрачных небесах.

XI.

ОРИАНДА

Море яркою парчою
расстилается внизу,
То блеснет золотой струею,
То сольется в бирюзу,

В изумруд и в яхонт синий,
В ослепительный алмаз;
Зыбью радужной пустыни
Ненасытит жадный глаз.

И пред морем, с ним сподручно,
Морем зелень разлилась
И растительностью тучной
Почва пышно убралась.

Там, где стелется веранда,
Где гори дает отлог,
Забелелась Орианда,
Как серебряный чертог.

И над ним сапфирной крышей
Развернулся неба свод;
Воздух здесь струится тише
И все тише ропот вод.

Как твердыня, скал громада
Уперлася в полукруг,
И охрана и ограда
От напора зимних вьюг.

Знать, здесь громы рокотали
И огнем своих зарниц
Гор осколки разметали
С этих каменных бойниц.

Средь прохлады и потемок
Древ, пресекших солнца свет,
Допотопных гор потомок,
Камень – древний домосед –

Весь обросший серым мохом,
На красу картин живых,
Как старик глядит со вздохом
На красавиц молодых.

На скале многоголовной,
Освященьем здешних мест,
Водружен маяк духовной –

Искупительный наш крест.

Чуть завидя издалече
Это знаменье, моряк,
Ободрясь благою встречей,
Совершает крестный знак.

И скитальцам в бурном море,
И житейских волн пловцах,
В дни попутные и в горе,
Крест и вождь и светочь нам.

ХII.

Опять я слышу этот шум,
Который сладостно тревожил
Покой коих ленивых дум,
С которым я так много прожил
бессонных, памятных ночей,
И слушал я, как плачет море,
Чтоб словно выплакать все горе
Из глубины груди своей.

Не выразит язык земной
Твоих рыдающих созвучий,
Когда, о море, в тьме ночной

Раздастся голос твой могучий!
Кругом все тихо! ветер уснул
На возвышеньях Аю-Дага:
Ни человеческого шага,
Ни слов людских не слышен гул.

Дневной свой подвиг соверша,
Земля почила после боя:
Но бурная твоя душа
Одна не ведает покоя.
Тревожась внутренней тоской,
Томясь неведомым недугом,
Как пораженное испугом,
Вдруг вздрогнув, ты подьмешь вой.

Таинствен мрак в ночной глуши,
Но посреди её молчанья
Еще таинственной душа
Твоей, о море, рорицанья!
Ты что-то хочешь рассказать
Про таинства природы вечной
И нам волною скоротечной
Глубокий смысл их передать.

Мы внемлем чудный твой рассказ,
Но разуметь его не можем:
С тебя мы не спускаем глаз
И над твоим тревожным ложем
Стоим, вперя жадный слух:

И чуем мы благоговя,
Как мимо нас, незримо вея,
Несется бездны бурный дух!..

Петр Алексеевич

Когда, как будто вихрь попутный,
Приспособляя крылья нам,
Уносит нас вагон уютный
По русским дебрям и степям:

Благословляю я чугунок!
И вдруг мне что-то говорит:
На вас, весь вытянувшись в струнку,
Петр Алексеевич глядит.

Почуя гул необычайный,
Царь встал тревожно из земли
И с любопытством, думой тайной,
Вперил на нас глаза свои.

В уме недолго он пошарил,
Всю важность дела он смекнул,
И по лбу вдруг себя ударил.
И тяжко, наш родной, вздохнул.

Чудовищем любуясь жадно,
Ему отвесил он поклон;
Но все ж голубчику досадно,
Что зверь сей не при нем рожден!

Пар, эту пятую стихию,
Еще не выдумал народ;
А царь наш матушку Россию
На всех парах уж гнал вперед.

Встав с позаранку, чарку хватит,
Подаст к походу зычный свист,
И сплошь свою громаду катит
Наш венценосный машинист.

Не зная тундр, ни буераков,
Он то-и-дело бороздит,
Не догадавшись, что Аксаков
Его за это пожурит.

Так твердо тендер свой державной
Он в руки мощные забрал,
Что с рейсов ковки стародавней
По новым круто нас помчал.

Россию он вогнал в Европу,
Европу к нам он подкатил,
И пристрастившись к телескопу,
Окно он в море прорубил.

Морская зыбь – его веселье!
И сам катается по ней
И погостить на новоселье

Скликает стаи кораблей.

Быть может, скажут: «засиделись,
Мы слишком долго у окна
И на чужое заглазелись!»
Но полно, тут его-ль вина?

Он окончательного слова
Сказать, наш зодчий, не успел,
Им недостроена основа
Великих помыслов и дел!

Как-бы то ни было, на славу
Из ботика развел он флот,
По-русски отстоял Полтаву
И Питер вызвал из болот.

Нам скажут: «Русь он онемечил!»
Нет, извините, господа!
Россию он очеловечил,
Во имя мысли и труда.

Петр был не узкий подражатель
Одних обычаев и мод;
Нет, с бою взял завоеватель
То, в чем нуждался наш народ.

Хоть сам был средним грамотеем,
Науку ввел б нам на пролом,

Всему, что знаем, что имеем,
Всему он крестным бил отцом.

В его училище и ныне
Урок для всякого добра;
Да и Второй Екатерине
Не быть без Первого Петра!

Он, в царство тьмы, во время оно,
Один в грядущее проник,
Один был собственной персоной
Свой телеграф и паровик.

Но мысль его, прижавши крылья,
На долгих совершала путь,
И не могли бойца усилья
И даль и время в ком сомкнуть.

Что вряд приснится ли любому,
Он на яву свершил один;
Но все ж творил он по людскому;
Хоть и шагал как исполин.

В свой краткий век он жил сторицно,
бессмертья заживо достиг;
Он труд веков обделал лично
И своеручный мир воздвиг.

Ученых не прося совета,

Он знал не хуже англичан,
Что время та-же есть монета,
И он пускал ее в чекан.

Везде пройдет – где есть лазейка,
Где нет – пробьет и впустит труд;
Час каждый, каждая копейка
На пользу и в процент идут,

Хоть сак он был держанным зодчим,
Учиться побежал в Сардамы,
И там трудясь чернорабочим,
Блеск придал царственным рукам.

Он пиво пил, курил он кнастер,
Кутил, но делу не в ущерб,
И из кутилы вышел мастер,
Которым славен русские герб.

В Карлсбаде, где силач наш хворый
Пил самородный кипяток,
Где с Лейбницем вступал он в споры,
Он тут же первый был стреловк,

С седла сбивая смысл немецкий
(Карлсбад то в хронику вписал),
Верхом на Гиршпрунг молодецки
Он с русской удалью вскакал.

Так он вскакал и на Россию
И за собой ее повлек:
Коню скрутил немножко выю –
Но уж таков был наш ездок!

Он крут был малую толику,
Но бодры в нем и дух и плоть,
И мощью на добро владыку
Сам щедро наделил Господь.

Какого-ж русского вам надо,
Когда и он отмечен в брак,
Природы русской тип и чадо,
Наирусейший он русак!

Нет, нет! он наш, и первой масти!
В нем русских доблестей залог,
И согрешил ли в чем, так страсти
В нем тот же русский дух разжег.

Пусть он подписывался Piter,
Но пред отечеством на смотр
Все ж выйдет из заморских литер
На русский лад: Великий Петр.

Уж то-то задал бы он тряску,
Когда б про коврик-самолет
Он мог бы в быль упрочить сказку,
Без лишних справок и хлопот;

Когда б он, сил своих в избытке,
Всю Русь мог обручем спаять,
Ее ж по проволочной нитке
Заставить прыгать и плясать.

Раздолье было б ночной воле!
Пар – электричеству сродни,
И в русском скороспелом поле
Сегодня сей, а завтра жни.

Вот отчего, когда стрелою
Наш поезд огненный летит,
На нас с завистливой тоскою
Петр Алексеевич глядит.

Утешься, сокол наш родимый!
Не ты-ль нас завалил в борьбе?
Нет, не пройдет над Русью мимо
Святая память о тебе.

Что ты задумал, что с любовью
Посеял щедрою рукой,
Когда работал ты над новой
Земли, распаханной тобой,

Все дало плод, дает задаток,
Твой мудрый светоч не погас!
И наш Петровский отпечаток

Веками не сотрется с нас!..

На железной дороге.

Июль 1867 г.

Notturmo

I.

Вечер свежестью сменяет
Полдня знойные часы,
И на землю расточает
Бисер серебряной росы.

Не лепечет ветка с веткой,
Приумолк глубокий лес
И подернут звездной сеткой
Свод безоблачных небес.

Все утихло! Все смиряя,
Воцарилась тишина:
Только мерно ударяя,
В берег плеском бьет волна.

Только в ней одной движенье
Чутко слышится вдали,
Как сердечное биенье
Сном забившейся земли.

II.

Нигде так роза не алеет,
Так не пленяет красотой,
Нигде так плющ не зеленеет,
Внеся бархатной волной;
Нигде прикованные взгляды
Так не любят на них,
Как на развалинах ограды,
Как средь обломков вековых.

Нигде златой зари отливы,
Нигде блеск серебряной луны
Так непричудливо красивы,
Как на святынях старины,
Как на часовне одинокой,
На башне дедовских времен,
Где годы врыли след глубокий
По камням поседевших стен.

Нигде так песнью звучно-томной
Не умиляет соловей,
Как на кладбище, ночью темной,
В глуши сгустившихся ветвей.
В противоречьях этих – прелесть!
С ней из того же родника

Во глубь души струится, не-весть
С-чего, и радость и тоска.

И молодость, венок прелестный,
Который радости сплели,
И красота, сей гость небесный,
Сей гость, поэзий земли,
Нигде такой отрадой милой
Не благодатны для души,
Как и-бок с старостью остылой
И увядающей в тиши.

III.

Если б мне была свобода
Звезды с голубого свода
До последней все сорвать:
Тайной чудного изделия,
Вам в венец и ожерелья
Я хотел бы их собрать.

Если б я все розы мира
С Кипра, Пестума, Кашмира,
С Испагани мог собрать:
Как невольник пред царевной,
Каждый шаг ваш ежедневно

Я хотел-бы устилать.

Если б я все вдохновенья,
Все созвучья, песнопенья
В строй один мог сочетать
И всемирным быть поэтом:
Вас одну пред целым светом
Я хотел бы воспевать.

Если б свыше данной властью
Мог я к радостям и счастью
Путь надежный отыскать:
Вас навел бы на дорогу,
Сам любуясь с порогу,
Как в вас блещет благодать.

Лес

В лесу за листом лист кругом
С деревьев валится на землю:
Сам, в увядании моем,
Паденью их с раздумьем внемлю.

Глухой их шорох под ногой –
В моей прогулке одинокой,
Как шорох тени в тьме ночной,
Тревожит леса сон глубокой.

Кладбища сон и тишина!
А жизнь с улыбкой обаянья
Вчера еще была полна
И неги и благоуханья.

Не листья ль жизни нашей дни?
Нас и они в свой срок обманут,
Как листья, опадут они,
И как они, печально вянут.

Где лес был зеленью обвит,
Теперь одни листы сухие:
Так память грустная хранит
Отцветшей жизни дни былые.

Но свежей роскошью ветвей
Весной очнется вновь дуброва:
В нам на пепле наших дней
Цветущих не дождаться снова!

Гамбург.

Ноябрь 1873.

Тому сто лет

1

Тому сто лет, под тихим кровом
Богобоязненной семьи,
Где чистым делом, чистым словом
Хранилась заповедь любви:
В краю, где Волгой плодородной
Поятся нивы и луга, –
Где жизнью бодрой и народной
Кипят река и берега....

Тому сто лет, зимой суровой,
Младенец, Божья благодать,
Младенец, в жизнь пришелец новой,
Утешил страждущую мать.
Любуясь им, она гордилась,
Забот и благ в нем зря залог,
О нем и о себе молилась,
Чтоб их друг другу Бог сберег.

Но жизнь и вся земная радость,
Все тень, неуловимый пар:
В чем предвкушаем счастья сладость,

¹ Стихотворение это читано в дом празднования столетней годовщины рождения Н. М. Карамзина, 1-го декабря 1866 г., в Московском университете.

В том часто нам грозит удар.
Была молитва завещаньем
Перед разлукой роковой,
Любви приветом и прощаньем
С новорожденным сиротой.

Еще молитвы, сердцу надой,
Мать не успела досказать,
А смерти Ангел чернокрылый
Клад на уста её печать.
Гроб рядом с юной колыбелью
И с гранью жизни – жизни даль:
И в дом попутчицей веселью
Вошла семейная печаль.

Но нежной матери моленье
Угодный небу фимиам:
Мать заменило Провиденье.
Не по годам, а по часам
Младенец, отрок благодушный,
И подростал и расцветал,
И в тайне, матери послушный,
Речам загробным он внимал.

Уж ранним пламенем горели
Ребенка чуткие глаза,
Пытливо вдаль они смотрели,
В них вдохновенная слеза
Светлелась чувством многодумным

Пред блеском утренних небес,
Или когда под ветров шумным
Тревожно пел и плакал лес.

Все что-быть может мысли пищей,
Или потребностью души,
Все с каждым днем ясней и чаще,
Еще в пророческой тиши;
Еще неведомо для света
В нем развивалось красотой:
И проблеск тихого рассвета
Был дня прекрасного зарей.

За утром детских обаяний
Настала зрелости пора:
С умом алкающим познаний,
С душою жаждущей добра,
Вступал, он в жизнь, как в бой воитель,
Как труженик, любящий труд,
Служенья чистого служитель,
Избранный Промыслом сосуд.

Сперва, попыткою искусства,
На новый лад настроив речь,
Успел он мысль свою я чувства
Прозрачной прелестью облечь....
Россия речью сей пленилась
И с новой грамотой в руке,
Читать и мыслить приучалась

На Карамзинском языке.

Понятым мир открыл он новый,
Пустил их в общий оборот,
Снял с речи тяжкия оковы
И слову русскому дал ход.
Не смейтесь над *Бедной Лизой*,
Младой красавицей в те дни:
Окутавшись забвенья ризой,
Всем нам она еще сродни.

Все шире, глубже и просторней
Он мирный подвиг совершал:
И все теплей, все благотворней
Лучи он света проливал.
Казалось, новый воздух веял
На вновь раскрытые бразды,
И все что он с любовью сеял
Несло сторичные плоды.

Нам предков воскресил он лица,
Их образ в нас запечатлел:
И каждая его страница
Зерцало древних дней и дел.
Своей живительной рукою
Событий нить связал он вновь,
Сроднил нас с русскою семьею
И пробудил он к ней любовь!

В иных художественный пламень,
Но мал запас рабочих сил:
Здесь зодчий сам за камнем камень
В свой исполинский труд вносил.
Воздвиг он храм сей величавый,
Прекрасный стройностью частей,
Сей памятник и русской славы,
И славы собственной своей.

Любви к трудам, к добру, к природе
В своих твореньях учит он;
Он учит: в нравственной свободе
Блюсти общественный закон,
Отечеству быть верным сыном
И человечество любить,
Стоять за правду гражданином
И вместе человеком быть.

Нет тени в нем противоречья:
Где автор, там и жизнь сама;
Та-жь теплота добросердечья
И трезвость светлого ума...
Пред ним одна была дорога,
Проселков не искал ни в чем.
Он чистотой души и слога
Был, есть и будет образцом.

С покорностью благоговейной
К тому, кем призван к бытию,

Любил он свой очаг семейный,
Всех ближних как семью.
На горе братьев, на их радость,
И на закате поздних лет,
Как и в доверчивую младость,
В созвучном сердце был ответ.

И славы он изведаль чары,
И ласку и приязнь Царей,
Судьбы дары, судьбы удары; –
Но в мире с совестью своей
Не знал он ропота в печали,
Ни счастья суетных тревог;
И жизни чистые скрижали
На Божий суд принеси он мог.

Наш праздник над минувшим тризна,
Но мыслью жизни он согрет:
На нем сочувствует отчизна
Тому что было за сто лет.
В своей отваге разнородной,
Как ни забывчивы умы,
Здесь благодарности народной,
Здесь глас *потомства* слышим мы.

И и день сей памятный меж днями,
Столетнего преданы день,
Не носится ль еще над ними
Россию любящая тень?

Не он ли сам, родным влеченьем
восстав из гроба, в этот час,
Благословляет с умилением
И слово русское и нас?...